

АНДРЕЙ
ЛЕВАНДОВСКИЙ

Александр
Грин

НА ПУТИ
К СЧАСТЬЮ

УДК 929:821.161.1
ББК 63.3(2)6-8
Л34

Левандовский, А. А.

Л34 Александр Грин на пути к счастью / А. А. Левандовский. —
Москва : Кучково поле Музеон, 2022. — 656 с.

Несбывшемуся

ISBN 978-5-907174-93-1

В книге А. А. Левандовского на основе обширного разнообразного фактического материала во всех подробностях показан тернистый жизненный путь, пройденный замечательным писателем А. С. Грином. Особое внимание при этом уделено процессу духовного становления писателя, обретению им своей особой жизненной позиции, определявшей все его творчество. Тщательно вписывая А. С. Грина в литературно-исторический контекст, автор подчеркивает редкую неординарность своего героя и уникальность его дарования, выделяя те черты, которые позволяют говорить о Грине как о совершенно особенном писателе — на все времена.

ISBN 978-5-907174-93-1

© А. А. Левандовский, текст, 2022
© ООО «Кучково поле Музеон», оригинал-макет,
издание, 2022

Самую искреннюю благодарность приношу Е. Н. Мухиной, М. А. Барабановой и К. Д. Гнатюку за постоянную разнообразную поддержку — духовную, моральную, техническую, — которую они оказывали мне на протяжении всей работы над рукописью.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- ВАГ — Воспоминания об Александре Грине. Л., 1972.
Варламов — *Варламов А.* Александр Грин. М., 2005.
Автобиографическая повесть — *Грин А. С.* Автобиографическая повесть // *Его же.* Собрание сочинений в шести томах. М., 1965. Т. 6.
Грин и вино — *Грин Н. Н.* Грин и вино // Жизнь Александра Грина, рассказанная им самим и его современниками. Феодосия; М., 2012.
ЖАГ — Жизнь Александра Грина, рассказанная им самим и его современниками. Феодосия; М., 2012.
Калицкая — *Калицкая В.* Моя жизнь с Александром Грином. Феодосия; М., 2010.
Ковский — *Ковский В.* Романтический мир Александра Грина. М., 1969.
Н. Н. Грин — *Грин Н. Н.* Воспоминания об Александре Грине. Феодосия; М., 2005.
Первова — *Первова Ю.* Две судьбы: Александр и Нина Грин. Феодосия; М., 2015.
Соч. 65 — *Грин А. С.* Собрание сочинений в шести томах. М., 1965.
Соч. 80 — *Грин А. С.* Собрание сочинений в шести томах. М., 1980.
Соч. 91 — *Грин А. С.* Собрание сочинений в пяти томах. М., 1991.
Соч. 17 — *Грин А. С.* Собрание сочинений в трех томах. М., 2017.
«Я пишу вам...» — *Грин А. С.* Я пишу вам всю правду. Письма 1906–1932 годов. Феодосия; М., 2012.

Глава 1

РАЗДВОЕНИЕ БЫТИЯ

Прочитанное в книгах, будь то самый дешевый вымысел, всегда было для меня томительно желанной действительностью.

А. С. Грин. Автобиографическая повесть

Вы думаете, у взрослых жизнь сложная, а у ребят простая?

В. Крапивин. Колыбельная для брата

Повесть Грина с самого начала как бы двоятся. В ней масса текста, вполне соответствующего характеристике, которую дают ему биографы писателя: «Воспоминания так не пишут», — сухо, жестко, отсутствуют необходимые подробности, нет «сочных бытовых зарисовок» (цит. по Вл. Сандлеру) и тому подобное... Но есть в этой странной книге страницы совершенно иного плана — насыщенные фактами и написанные поистине вдохновенно. Судите сами:

Я выстругивал деревянные мечи, сабли, кинжалы, рубил ими крапиву и лопухи, воображая себя сказочным богатырем, который один поражает целое войско. Я делал луки и стрелы в самой несовершенной, примитивной форме, из вереса и ивы, с бечевочной тетивой; стрелы же, выструганные из лучины, были с жестяными наконечниками и не летали дальше тридцати шагов.

На дворе я расставлял стоймя поленья шеренгами и издали поражал их камнями в битве с неведомой никому армией. Из изгороди огорода я выдергивал тычины и упражнялся в метании ими, как дротиками. Перед моими глазами в воображении вечно были американский лес, дебри Африки, сибирская тайга. Слова «Ориноко», «Миссисипи», «Суматра» звучали для меня как музыка.

Автобиографическая повесть. С. 230–231

Это текст из первой главы, посвященной самому раннему детству писателя. Затем сюжет получает дальнейшее развитие.

Я хаживал с ружьем далеко, на озера и в лес, и часто ночевал в лесу у костра. В охоте мне нравился элемент игры, случайности; поэтому я не делал попытки завести собаку.

Одно время у меня были старые охотничьи сапоги, купленные мне отцом; когда они сносились, я, придя к болоту, снимал свои обыкновенные сапоги, вешал их через плечо, засучивал штаны до колен, так и охотясь — босиком.

По-прежнему добычей моей были кулики разных пород, черныши, перевозчики, турухтаны, кроншнепы; изредка — водяные курочки, утки.

Стрелять влет я еще не умел. Старое шомпольное ружье-одностволка, стоимостью 3 рубля (прежнее разорвалось, едва не убив меня), самым способом заряжения мешало стрелять так часто и скоро, как хотелось бы. <...>

У первого моего ружьеца был очень тугой курок, сильно разбивавший капсюль, а надеть на расилепанный капсюль пистон являлось задачей. Он еле держался и иногда сваливался, упраздняя выстрел или давая осечку. У второго ружья курок был слабый, что тоже вызывало осечки.

Если на охоте у меня не хватало пистонов, я, мало стесняясь этим, прицеливался, держа ружье одной рукой у плеча, а другой поднося к капсюлю горящую спичку.

Предоставляю судить специалистам, насколько такой способ стрельбы может быть успешен, так как дичь имела довольно времени надумать — стоит ли ей ждать, пока огонь накалит капсюль.

Несмотря на мою действительную страсть к охоте, у меня никогда не было должной заботы и терпения снарядиться как следует.

Я таскал порох в аптекарской склянке, отсытая его на ладонь при зарядании

на глаз, без мерки; дробь лежала в кармане, часто один и тот же номер на всякую дичь — например, крупный, № 5, шел и по кулику и по воробьиной стае, или, наоборот, мелкий, как мак, № 16, летел в утку, только обжигая ее, но не сваливая.

Когда плохо сделанный деревянный шомпол ломался, я срезал длинную ветку и, очистив ее от сучков, гнал в ствол, с трудом вытаскивая обратно.

Вместо войлочного пыжа или кудельного я очень часто забивал заряд комком бумаги.

Неудивительно, что добычи у меня было мало при таком отношении к делу.

Автобиографическая повесть. С. 240–241

Цитата получилась обширная, но, по-моему, дело того стоит. Согласитесь, что все это написано с нескрываемым удовольствием, ярко и, право же, стоит «сочных бытовых зарисовок». А сколько подробностей! Дальность стрельбы из лука с бечевой, свойства курка у первого ружьеца и у второго, номера дроби, названия дичи... И это в книге воспоминаний, где **ни разу** никто из родственников, включая родных отца с матерью, не назван по имени, где время смерти матери приводится неверно, где вообще чуть ли не большинство упоминаемых имен и дат искажены и перепутаны самым невероятным образом...

Это кажущееся противоречие легко объяснить. Грин пишет ярко и подробно о том, что реально наполняло его жизнь, захватывало по-настоящему, имело выход в будущее — о том, что составляло его, **гриновскую, действительность**. Ту самую, «томительно желанную», порожденную прочитанными книгами. Окружающее же бытие провинциального городка все в большей мере воспринималось им как досадный, мучительный морок.

Текст Повести, думается, вполне адекватен детству Сани Гриневского: жизнь писателя раздваивалась у самых ее истоков.

* * *

Грин в Повести нарушает каноны автобиографического жанра буквально с самого начала. Никаких общих фраз, никакого стереотипа вроде: «Вятка, в которой прошло мое детство, была обычным провинциальным городом», или: «Мои почтенные родители познакомились при следующих обстоятельствах», или, на худой конец, совсем уж банально: «Я родился в таком-то году». Очевидно, что для Грина вторичны город, родители и даже факт собственного физического рождения (недаром же он здесь с датой путался). Его настоящая, **гриновская**, жизнь началась с чтения книг — чему и посвящены первые, началь-ные строки Повести.

Потому ли, что первая прочитанная мной еще пяти-летним мальчиком книга была «Путешествия Гулливера в страну лилипутов» — детское издание Сытина с раскрашенными картинками — или стремление в далекие страны было врожденным, но только я начал мечтать о жизни приключений с восьми лет.

Я читал бессистемно, безудержно, запоем.

В журналах того времени: «Детское чтение», «Семья и школа», «Семейный отдых» — я читал преимущественно рассказы о путешествиях, плаваниях и охоте.

После убитого на Кавказе денщиками подполковника Гриневского — моего дяди по отцу — в числе прочих вещей отец мой привез три огромных ящика книг <...>

Я рылся в них по целым дням. Мне никто не мешал.

Поиски интересного чтения были для меня своего рода путешествием. <...>

Я хорошо помню, что специально детские книги меня не удовлетворяли.

В книгах «для взрослых» я с пренебрежением пропускал «разговоры», стремясь видеть «действие». Майн Рид,

Густав Эмар, Жюль Верн, Луи Жакольо были моим необходимым, насущным чтением.

Автобиографическая повесть. С. 228

В мемуарах современников Грина, детство которых пришлось на 1880–1890-е, мы найдем немало воспоминаний об этих любимых нашим героем писателях, выдержанных в схожих тонах. Наступали времена, когда читающие русские мальчики поколение за поколением были обречены на увлечение великой приключенческой литературой. Обычно это увлечение, подобно детским болезням, вместе с детством и заканчивалось; на смену шла русская классика, литература идейная...

У Грина болезнь оказалась хронической: взрослея, он сохранял верность литературе приключений и подвигов, сильных чувств и решительных действий. По его собственным словам, уже в двенадцать лет он ознакомился с русской классикой «до Решетникова», хорошо знал европейскую классическую литературу, но писатели, ставшие кумирами в детстве — к названным выше добавились еще Фенимор Купер и Эдгар По, — «оказались сильнее». И сила эта проявлялась вполне реально: с детских лет Саня Гриневский пытался строить свою жизнь соответственно прочитанному — ведь «в леса и поля» он уходил с жалким шомпольным ружьишком совсем не ради добычи. Несчастные представители окрестной фауны тоже на свой лад стали жертвами приключенческой литературы...

Мне нравилось идти одному по диким местам, где я хочу, со своими мыслями, садиться, где хочу, есть и пить, когда и как хочется.

Я любил шум леса, запах мха и травы, пестроту цветов, волнующую охотника заросль болот, треск крыльев дикой птицы, выстрелы, стелющийся пороховой дым; любил искать и неожиданно находить.

Множество раз я строил мысленно дикий дом из бревен, с очагом и звериными шкурами на стенах, с книжной полкой в углу; под потолком были развешены сети; в кладовой висели медвежьи окорока, мешки с «пеммиканом»¹, маисом и кофе. Сжимая в ру-

¹ Поклонники Майн Рида и Фенимора Купера должны помнить, что пеммикан — это род индейских консервов: мясо, измельченное и высушенное на солнце.

Глава 7

ЖИЗНЬ ВДВОЕМ

Это была девушка или девочка? — я не мог бы сказать сразу, но склонялся к тому, что девочка.

А. С. Грин. Золотая цепь

Во всем мире они были одни,
словно очерченные магическим кругом.

Ю. А. Перлова. Две судьбы

Счастье, как известно, дается лишь избранным. Совсем немногим... Позитивного опыта в этом тонком деле у человечества крайне мало. Даже представление о том, что это, собственно, такое — «простое человеческое счастье», — у нас предельно разнообразно и оттого очень смутно. Не случайно ведь даже у великих писателей, так увлекательно, выразительно и тонко живописующих **борьбу** за счастье, **пути** к нему, как правило, не очень убедительны в изображении достигнутого результата. В этой сфере все так условно, так зыбко... Счастье Наташи Ростовской, согласитесь, способно вдохновить нынче немногих читателей, и особенно читательниц... Да что Толстой с его категоричностью и парадоксальными идеями! Такой, казалось бы, признанный певец домашнего уюта и тихих семейных радостей, как Диккенс, и тот дает здесь слабину.

Идеал, к которому надлежит стремиться, примерно следующий: сто тысяч фунтов, прелестный старый дом, который со всех сторон увит плющом, нежная женственная супруга, выводок детей и никакой работы. Все прочно, ладно. Мирно, а главное, все по-домашнему <...> Слуги презабавны и сервильны, младенцы копошатся у отцовских колен, давние друзья расположились в креслах у очага и толкуют про былые времена, а с кухни всё приносят и приносят невероятных размеров блюда, и холодный пуни, и щербет, перины замечательны, бутылки для согревания постелей всегда исправны,

на Рождество устраивают вечера с шарадами и игры в жмурки, но не случается ровным счетом ничего, кроме ежегодного пополнения семейства.

Оруэлл Дж. Чарльз Диккенс // Его же. Мысли в пути. М., 2003. С. 241

И ведь то, что пишет Оруэлл, справедливо отнюдь не только в отношении Диккенса. Подобных примеров «из классики» — с разнообразнейшими вариациями, конечно, — можно привести множество: как ни крути, литература создается под диктовку реального бытия — а там счастье в дефиците... Да взять хотя бы нашего героя, написавшего такую сказочно-прекрасную феерию об обретении счастья...

Когда на другой день стало светать, корабль был далеко от Каперны. Часть экипажа как уснула, так и осталась лежать на палубе, поборотая вином Грэя; держались на ногах лишь рулевой, да вахтенный, да сидевший на корме с грифом виолончели у подбородка задумчивый и хмельной Циммер. Он сидел, тихо водил смычком, заставляя струны говорить волшебным, неземным голосом, и думал о счастье...

Грин А. С. Алые паруса. С. 65

Так оканчивается феерия. А что дальше?.. В думы о счастье Циммера — или свои, что то же — Грин читателей здесь не посвятил. А если бы и попытался это сделать, то получилось бы у него наверняка нечто обобщенно-назидательное — как у Диккенса. Пока что... вспомните, к слову, рассказ «Человек человеку».

Еще раз хочу обратить внимание на характернейшую черту творчества Грина. То, что он был «великим мечтателем», давно уже стало общим местом. Но тем более надо иметь в виду, что этот писатель, великолепно придумывавший увлекательные сюжеты, не придумывал чувств человеческих — по крайней мере в отношении главных своих героев. Иными словами: чтобы убедительно счастье описать, Грину совершенно необхо-

димо было прежде его пережить. В 1921-м, оканчивая «Алые паруса», он так же, как и капитан Грэй, стоял еще на пороге...

Неуясненность в феерии понятия «счастье» очевидна — в чем, повторюсь, Грин делит ответственность с Диккенсом и Толстым, а также с Тургеневым, Достоевским, Флобером и Стендалем. Ясно лишь, что пока это счастье в будущем и что оно для двоих. А как, казалось бы, иначе? Однако даже намек на подобное счастье, оказывается, мог в те времена вызвать самое резкое неприятие. Вот что писал по этому поводу современник Грина, замечательный писатель Андрей Платонов. Его истолкование «Алых парусов» А. Варламов, кстати, характеризует как «самое интересное, глубокое и глубоко непримиримое». С последним не поспоришь; что же касается интереса и глубины — судите сами.

Платонов не просто критичен по отношению к «Алым парусам» — он перечеркивает феерию жирным крестом, отказывая ей в праве на существование. Точнее, он отказывает в праве на личное счастье двум любящим, если те четко очерчивают его границы своим узким кругом. Подобное счастье, считает Платонов, асоциально и потому не стоит доброго слова.

Из опыта истории известно, что истинное человеческое счастье возможно лишь тогда, когда человек умеет стать средством для счастья других, многих людей, а не тогда, когда он замыкается сам в себе — для личного наслаждения. И даже любовное счастье пары людей невозможно или оно приобретает пошлую, животную форму: если любящие люди не соединены с большой действительностью, с общим движением народа к его высшей судьбе.

Платонов А. П. Рассказы Грина // Его же. Размышления читателя. М., 1970. С. 123–125

«Секрет» отплывает в сияющую даль, а «народ по-прежнему остается на берегу»... Грин, по словам Платонова, пишет совсем не то, что следует, — куда лучше, если бы его творческая сила «была применена для изображения реального мира,

а не сновидения, на создание искусства, а не искусственности» (Платонов А. П. Рассказы Грина С. 128).

...Все, что я мог бы по этому поводу сказать, я уже высказал в 3-й главе, в своих, может быть, путаных соображениях по поводу «великой вертикали», поглощавшей русскую интеллигенцию почти целиком; в советские времена вертикаль эта стала еще более мощной, а процесс поглощения — интенсивным. Пресловутый Пролеткульт стал, в конце концов, всего лишь наиболее последовательным проявлением этой тенденции.

Статья Платонова о Грине имела определенный резонанс, но мне не хотелось бы здесь вдаваться в литературно-критические подробности¹. Замечу лишь, что этот выпад лишний раз подчеркивает, насколько чужим и одиноким был Грин на поле русской литературы — что до революции, что после. Ведь заушение, упреки и запреты обрушились на автора «Алых парусов» в данном случае не со стороны идейного начетчика или борзого совкритика — против Грина выступил духовно независимый и безмерно талантливый писатель. Очень русский...

Действительно трудно представить себе более непримиримое отношение к жизненным и творческим позициям Грина, чем то, которое так ясно выразилось в тексте Платонова. Наш герой, впрочем, ответил достойно — не журнальной полемикой, а всей своей дальнейшей жизнью и творчеством. Ему удалось-таки пережить в самом ярком и прекрасном проявлении то самое «любобное счастье для пары людей», о котором с такой брезгливостью писал Платонов, и воплотить пережитое в замечательных произведениях. Воплотить, конечно же, по-своему, по-гриновски...

* * *

Как уже отмечалось, обе супруги Грина оставили воспоминания, замечательные во многих отношениях.

И, может быть, прежде всего они впечатляют своим

¹ О них см.: Варламов. С. 168–172. Там же — и весьма интересные и глубокие соображения по этому поводу самого автора.

глубоко личностным характером — и Вера Павловна, и Нина Николаевна самовыразились в них предельно. Для нас это интересно еще и тем, что тексты воспоминаний подтверждают некоторые общие соображения о творчестве Грина. Ведь даже при первом приближении очевидно, что написано это героинями его произведений — вот так должна была бы писать духовно спокойная, степенная, упорядоченная Гелли, а вот так — прямодушная, непосредственная, всей душой любящая Молли из «Золотой цепи» или Дэзи из «Бегущей...» И это при том что и те и другие воспоминания созданы были их авторами в самом зрелом возрасте... Текст Веры Павловны почти всегда сдержан, написан как бы отстраненно, «объективно»; текст Нины Николаевны предельно эмоционален и откровенен, в нем явственно ощущается гриновская творческая стихия.

Вот как совсем по-гриновски дана в воспоминаниях Нины Николаевны «завязка сюжета» в их отношениях с нашим героем. Впрочем, здесь еще и судьба постаралась...

Произошло это 22 января 1921 года на углу Невского и Садовой. Нина Николаевна шла по Невскому в самом мрачном настроении — только что в райсовете ей отказали в выдаче новых ботинок — старые были рваные, и в них хлюпала вода. Петроград обеспечил соответствующую погоду — свою, привычную: шел мокрый снег...

День сер, на душе серо, и все встречные кажутся мне озябшими, серыми, несчастными. Равнодушно скользит по ним глаз. Неожиданно среди этих, одинаковых, мелькнуло вдали что-то знакомое. Вглядываюсь: высокий пожилой человек в черном зимнем пальто идет мне навстречу, тоже всматриваясь в меня. Не вспомню, кто это, но где-то часто его видела и, уже поравнявшись, сразу вспоминаю и вскрикиваю: «Александр Степанович?!» И одновременно он: «Нина Николаевна! Вы ли это?!» — «Я, я самая... Вот-то неожиданная встреча!» — «А я издали вас узнал, но глазам не верю, ведь думал, что вы погибли...» — «Нет, слава Богу, жива, но узнать, конечно, трудно. Вас я еле вспомнила».

и свидетельство Юрия Домбровского о принципиальном заявлении Грина в частной беседе. Дело в том, что Домбровский, который в начале 1920-х был сотрудником общества «Безбожник», пытался добыть у писателя «что-нибудь атеистическое» для соответствующего сборника. Намеков — обратился, мол, не по адресу — юноша, уверенный, что каждый советский писатель атеист по определению, упорно не понимал. В конце концов Грин высказался откровенно:

«Вот что, молодой человек, я верю в Бога». Я страшно смешался, зашелся и стал извиняться. «Ну вот, — сказал Грин очень добродушно, — это-то зачем? Лучше извинитесь перед собой за то, что вы неверующий. Хотя это пройдет, конечно. Скоро пройдет».

Домбровский Ю. «Эдгар тут совсем ни при чем...» // ЖАГ. С. 397

Такие заявления были совсем не в духе Грина — «безбожник» его просто «достал»... Нина Николаевна в своих воспоминаниях, писавшихся в советское время, этой темы по вполне понятным причинам не затрагивала. Иное дело — живое общение с близкими людьми, с Юлией Первой прежде всего. В результате у этой постоянной собеседницы вдовы писателя сложилось впечатление, которому, очевидно, вполне можно доверять: до революции Грин был вполне равнодушен если не к Богу, то к церкви — обрядовую сторону православия он игнорировал совершенно. Но именно в начале 1920-х его позиция изменилась под воздействием двух причин: жесткой антицерковной политики большевиков и вере его новой семьи — Нины Николаевны и ее матери.

В дни, когда вера стала гонимой, а проповедующие учение Христа — мучениками; когда Александр Степанович попал в семью глубоко верующих людей, где читались обряды не формально, а искренне, к нему вернулась вера детских лет. Это был оазис, убежище в расколоте ненавистью мире. Укладывая спать Нину, он всегда крепил ее на ночь — как ребенка. Они

вместе ходили в церковь, а когда были в Лигове — с матерью.

Первова. С. 135

Напомню, что перед смертью Грин исповедовался и причастился¹.

Совершенно очевидно, что вера, которую писатель обрел в начале 1920-х, была «простая», традиционная, без всяких интеллигентских изысков. Никаких следов увлечения сочинениями Владимира Соловьева, Бердяева, Булгакова и других «модернизаторов» православия в наследии Грина как будто не прослеживается.

А какое же богоискательство без знания подобных текстов?..

Очевидно, по-моему, что традиционное православие вполне отвечало духовным запросам Грина в то время. В нем он и нашел своего Бога. Для сомнений в этом нужны серьезные основания, которых, по-видимому, не существует. Есть лишь человек, умеющий летать, сцена в церкви — и масса «литературного контекста», который остается на совести интерпретаторов.

По поводу «свободного полета» я уже высказался, вернее, высказался сам Грин, объяснив его как «символ парения духа» — состояния, свойственного самому писателю. Сцену в церкви, как мне кажется, тоже следует «толковать» в самой тесной, неразрывной связи с общими жизненной и творческой позициями нашего героя — тогда она, подобно всему роману, становится простой и понятной.

По моему разумению, речь в ней идет совсем не о том богоискательстве, которое подразумевает А. Варламов, заявляя, что для самого Грина «очевиден **“богочеловеческий”** (выделено мною. — А. Л.) подтекст его главного героя» (Варламов. С. 212). Вот уж нет! По-моему, писатель, живущий в это время в полном ладу с православием, далек был от мысли ставить

¹ См. подробнее: Левандовский А. А. Простая вера Александра Грина // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия: История. История РПЦ. № 86. М., 2019. С. 126–138.

своего героя даже не рядом с Христом — выше... И что это за, прости господи, «гринландская церковь» такая?.. «Толкования» биографа очень смелы — но ведь нужны же доказательства.

Мне кажется, «богочеловечество» Друда опровергается даже самой сценой в церкви — при внимательном и непредвзятом ее прочтении. Вспомним, **как** выглядит в этой сцене Друд и **как** он себя ведет. Одет он «в грязную и грубую одежду рыбака», подобно первым апостолам Христовым; садится он у ног маленького Христа... Какой же это «учитель Учителя»? С самого начала Друд гораздо больше похож на любящего, преданного ученика! Передавая Христу раковину, полную морского гула, он совершенно очевидно делится с божественным младенцем радостью, порождаемой красотой тварного мира, — чувство, так свойственное самому Грину! А указывая на компас, не просит ли он подтверждения верности избранного пути? Если так, то Друд получает «добро»: «Ребенок посмотрел и кивнул». И опять же — где здесь учительство? Где назидание? Совершенно очевидно, по-моему: Грин стремится создать образ не «богочеловека», а «всего лишь» человека Божия... Что тоже, конечно, ко многому обязывает — но, согласитесь, однако, разница есть.

При таком подходе образ главного героя становится гораздо яснее, его цели и стремления понятнее. Ведь как выясняется в конце романа, этот мечтатель не только «парит над толпой», наслаждаясь свободным полетом, — он стремится поднять в небо тех, кто на это способен. Как Тави... О вполне конкретных его делах выразительно вещает Руководитель — зловещий соратник Руны в ее стремлениях погасить «Двойную Звезду». Этот мрачный эзотерик чует в Друде куда более серьезную угрозу устоявшемуся бытию, чем даже «государственник» Дауговет.

Друд более жить не должен. Его существование нестерпимо. Он вмешивается в законы природы, и сам он — прямое отрицание их. В этой натуре заложены гигантские силы <...> Его влияние огромно, его связи бесчисленны. Никто не подозревает, кто он, — одно, другое, третье, десятое имя открывают ему доверчиво двери и уши. Он бродит по мастерским молодых пьяниц, внушая

им или обольщая их пейзажами неведомых им планет, насвистывает поэтам оратории и симфонии, тогда как жизнь вопит о неудобоваримейшей простоте; поддакивает изобретателям, тревожит сны и вмешивается в судьбы. Неподвижную, раз навсегда данную как отчетливая картина, жизнь, волнует он, и меняет, и в блестящую даль, смеясь, движет ее. Но мало этого. Есть жизни, обреченные суровым законом бедности и страданиям безысходным: холодный лед крепкой коркой лежит на их неслышном течении; и он взламывает этот лед, давая проникать солнцу в тьму глубокой воды. Он определяет и разрешает случаи, по его воле начинающие сверкать сказкой. Мир полон его слов, тонких остроумий, убийственных замечаний и душевных движений без ведома относительно источника, распространившего их. Этот человек должен исчезнуть.

Грин А. С. Блистающий мир. С. 209

Вот он каков — этот, казалось бы, «безопасный мечтатель»! Игнорируя людоедское государство, он рубит под самый корень, взрывая тяжкое, холодное, ко всему равнодушное бытие. Он проникает в самые глубины души человеческой, зажигая творческой мечтой тех, кто способен творить; поднимая в полет тех, кто способен летать.

Конечно же, все это — о самом Грине; ради этого наш герой живет и пишет. Такую жизненную программу Грин выработал еще раньше, в 1910-х, в тяжелое для себя время. Не возвращаясь к уже высказанному, напомним ключевые понятия из его произведений тех лет: «живая душа», «близкий по духу», «заветное»... Теперь же, обретя счастье, наш герой утверждает на этих позициях; он полон уверенности, что идет по верному пути, и готов вести за собой тех немногих, кто искренне разделяет его взгляды на жизнь. «Блистающий мир», на мой взгляд, не самый сложный, а самый смелый роман Грина: в первый и последний раз писатель обращается к Господу, надеясь, что он благословит его творчество.

АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ
ЛЕВАНДОВСКИЙ

Александр
Грин
НА ПУТИ
К СЧАСТЬЮ

Оригинал-макет подготовлен

Дизайн-макет: *Марина Миллер*

Выпускающий редактор: *Александра Громыкина*

Корректор: *Зоя Колеченко*

Верстка и допечатная подготовка: *Марина Рогова*

ООО «Кучково поле Музеон»

123376, Москва, ул. Красная Пресня, д. 28, стр. 2, оф. 307

Тел.: +7 (499) 253-90-01; +7 (977) 331-71-10

E-mail: sales@svyazepoh.ru

[https://svyazepoh.ru/izdatelskie-proekty/
kuchkovo-pole-muzeon.html](https://svyazepoh.ru/izdatelskie-proekty/kuchkovo-pole-muzeon.html)

На обложке:

И. К. Айвазовский

Аю-Даг в туманный день

1853

Подписано в печать: 03.06.2022

Формат 60 × 90/16 (145 × 215 мм)

Тираж 500 экз.

Заказ №

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный двор»

142300, Московская область, г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1

Тел.: +7 (495) 270-73-59

sales@chpd.ru; www.chpd.ru